

Да, боевые искусства Ван Яньфэна должны были быть «уничтожены», и ни Ассоциация боевых искусств, ни семья Ван не могли об этом говорить, так что выносить эту тему на обсуждение было просто невозможно.

Ван Яньфэн, придерживаясь позиции «не скажу ни слова до прихода адвоката», сохранял молчание, но его взгляд никогда не отрывался от Янь Чангэ. Этот взгляд заставлял окружающих его сотрудников чувствовать мурашки по коже, но сам Янь Чангэ, казалось, совершенно не замечал этого.

Ни рука Цюй Ляня, лежащая на его ноге, ни леденящий душу взгляд Ван Яньфэна, не оказывали на него никакого влияния. Он спокойно сидел в машине, и, увидев, как ветер, врывающийся через окно без стекла, разбрасывает пряди волос Цюй Ляня, слегка наклонился, чтобы прикрыть его от ветра.

Цюй Лянь легко приподнял бровь, и Янь Чангэ увидел, как тонкая струйка заслуг плавно подлетела к нему, на этот раз без каких-либо препятствий проникнув в его тело.

Янь Чангэ: «...»

Он с недоумением посмотрел на Цюй Ляня. Этот человек не выразил благодарности, когда Янь Чангэ помог ему разобраться с мошенниками, не сказал спасибо, когда спас его от маньяка-убийцы, но вот за то, что просто прикрыл его от ветра, он не пожалел своей благодарности.

Станный человек.

Понаблюдав за Цюй Лянем некоторое время, Янь Чангэ заметил, что тот всегда сохранял самую изящную и привлекательную позу. Он всегда знал, как выглядеть идеально в глазах других, и второй молодой господин Цюй всегда был красавцем без единого изъяна.

Янь Чангэ протянул руку к Цюй Ляню и, встретив его ожидающий взгляд, легонько коснулся пальцем его лба.

— У тебя межбровье почернело, в ближайшее время тебя ждут большие неприятности, — произнес Янь Чангэ.

— Когда ты еще и гаданием занялся? — Цюй Лянь схватил палец Янь Чангэ, и в тот же момент его ладонь словно пронзила острая боль, как будто её порезали лезвием. Цюй Лянь раскрыл ладонь, но на ней не было ни царапины, хотя боль не утихала.

— Не трогай меня просто так, — Янь Чангэ отдернул руку. — Тебя ждет испытание в возрасте, кратном пяти. В пять и пятнадцать лет ты уже прошел через две смертельные катастрофы, в этом году тебе двадцать пять, и к концу года тебя ждет еще одно испытание. Если преодолеешь его, то спокойно доживешь до тридцати пяти, если нет...

Он не закончил, но и так было понятно, что если не преодолеть смертельную катастрофу, то это будет конец.

Улыбка, которая всегда играла на губах Цюй Ляня, наконец исчезла. Он спокойно спросил:

— Ты действительно умеешь гадать?

Янь Чангэ покачал головой:

— Лишь поверхностно, но такие явные признаки на лице я могу разглядеть.

Эти слова наконец заставили Цюй Ляня замолчать. Он сидел рядом с Янь Чангэ, сжав губы, и молчал всю дорогу до полицейского участка.

Несколько сотрудников взяли у них показания. Цюй Лянь объяснил, что он не знал Ван Яньфэна, дело было несколько лет назад, и кто теперь помнит, как выглядел преступник. Он просто увидел Ван Яньфэна прошлой ночью в баре, где гулял с друзьями. Хотя Ван Яньфэн был маньяком-убийцей, он много лет занимался боевыми искусствами, имел прекрасное телосложение и лицо, которое можно было назвать «волком в овечьей шкуре», что делало его весьма привлекательным. Неизвестно, был ли это пьяный Цюй Лянь, который сам познакомился с Ван Яньфэном, или же Ван Яньфэн сам обратил на него внимание, но они обменялись контактами, и сегодня именно Ван Яньфэн первым связался с Цюй Лянем.

Когда Цюй Лянь приехал на встречу с Ван Яньфэном, он сразу почувствовал неладное. Он попытался уехать, но для разгона машины нужно время, и за эти короткие мгновения Ван Яньфэн с помощью техники легкости догнал его и запрыгнул в машину. Леденящее прикосновение к пояснице заставило Цюй Ляня подчиниться, и он ехал, слушая указания Ван Яньфэна, надеясь найти момент для побега. Но с навыками Ван Яньфэна, если бы не случайная встреча с Янь Чангэ, Цюй Лянь сегодня действительно мог бы встретить свою смертельную катастрофу в двадцать пять лет.

Сам Ван Яньфэн сказал только:

— Я вызову своего адвоката.

После этого он замолчал, и никакие допросы не могли заставить его говорить. Он выглядел плохо, только что лишившись своих боевых навыков, что, конечно, не добавляло комфорта, но ему пришлось смириться, ведь он был тем, чьи «боевые искусства были уничтожены».

Как только Янь Чангэ закончил давать показания, он услышал, как в соседнем кабинете капитан Шэнь с недоумением произнес:

— Почему семья Ван и Ассоциация боевых искусств защищают такого человека, как Ван Яньфэн? Ради него они даже нашли старое «Соглашение Альянса боевых искусств», в котором говорилось, что мастера боевых искусств обязаны вносить вклад в страну в трудные времена, а также имеют право наказывать преступников в своих школах согласно своим правилам. Это соглашение уже давно подвергалось критике, и на нескольких заседаниях парламента предлагалось отменить его, чтобы мастера боевых искусств также подчинялись закону. Сейчас, защищая Ван Яньфэна, они только дают повод для отмены этого соглашения. Что в нем такого, что они готовы приложить столько усилий, чтобы его сохранить?

Конечно, капитан Шэнь говорил негромко и обсуждал дело с коллегой за закрытой дверью. Но Янь Чангэ обладал острым слухом, он мог расслышать шепот на расстоянии в ли, не говоря уже о разговоре за стеной.

Поэтому Янь Чангэ постучал в дверь и вошел в кабинет, обратившись к Шэнь Ифэю:

— Думаю, я знаю, почему семья Ван и Ассоциация боевых искусств хотят его защитить и сохранить его боевые навыки.

— Как ты услышал... Ладно, это не важно, — Шэнь Ифэй встал. — Почему, по-твоему?

— Из-за его конституции и техники, — ответил Янь Чангэ. — Я сразу почувствовал, что он практикует не обычную внутреннюю силу. Обычные благородные кланы не изучают такие зловещие техники.

— Какие зловещие техники? — Весь кабинет насторожился.

— У него лучшая конституция для преобразования и поглощения, — спокойно сказал Янь Чангэ. — То, что даосы называют конституцией котла. Если он практикует зловещую технику, то может использовать метод сбора и восполнения для повышения своей силы.

Сотрудники криминального отдела все были мастерами боевых искусств, но в основном они сильны во внешних техниках, а в глубоких внутренних практиках разбираются лишь поверхностно. О таких конституциях и техниках, как описал Янь Чангэ, они читали только в романах, и никогда не думали, что такое может существовать в реальности.

— Почему семья Ван и Ассоциация боевых искусств так стараются защитить Ван Яньфэна? Потому что он, используя метод сбора и восполнения, может поглощать силу других и передавать её дальше. Прелесть в том, что только он один должен практиковать зловещую технику, а те, кто выжимают из него силу, могут продолжать совершенствовать свои внутренние практики. Вот в чем особенность конституции Ван Яньфэна, — объяснил Янь Чангэ.

— Это... — Услышав анализ Янь Чангэ, все сотрудники отдела, от начальства до подчиненных, выглядели крайне ошеломленными.

Тем, кто выступил в защиту Ван Яньфэна, был один из самых уважаемых старейшин Ассоциации боевых искусств, а также его собственная мать, Ван Линьчжи.

Чжан Синьпэн, сотрудник отдела, с бледным лицом сказал:

— Этому старейшине Ассоциации уже девяносто лет, он выглядит бодрым, но всё же ему девяносто! А Ван Линьчжи... она же мать Ван Яньфэна!

— Не родная мать, — тут же поправил Шэнь Ифэй. — Ван Линьчжи — единственная дочь семьи Ван. Глубокие техники благородных кланов никогда не передаются чужакам, и сейчас нет устаревших представлений о предпочтении сыновей, поэтому семья Ван выбрала Ван Линьчжи в качестве нынешнего главы. Когда у неё обнаружили бесплодие, она решила не выходить замуж и усыновила десятилетнего Ван Яньфэна из боковой ветви семьи...

Чем больше они говорили, тем больше ужаса охватывало всех. Почему Ван Яньфэн выбрал день рождения своей матери, 12 апреля, чтобы совершить убийство, теперь стало понятно.

Это был жалкий и ненавистный человек. Жалкий из-за своей судьбы, ненавистный из-за своих поступков.

— Подождите! — Звериная интуиция Шэнь Ифэя пробудилась, и он тут же спросил:

— Ван Яньфэн напал на Цюй Ляня, у которого нет никаких боевых навыков. Значит ли это, что он может выбирать для сбора и восполнения не только мастеров боевых искусств?

Авторский комментарий:

Цюй Лянь: Прикоснулся к твоей руке — порезался, прикоснулся к твоему плечу — порезался,

прикоснулся к твоей груди — порезался. Ну-ка расскажи, где у тебя лезвие, где рукоять, а где гарда?

Янь Чангэ: Я — величайшее божественное оружие, естественно, я везде острое.

Цюй Лянь: Черт, слезай с кровати!

Янь Чангэ: QAQ

Поняли намёк этого грязного фантазма? *хихикает*

<http://bllate.org/book/16787/1543802>